

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине

ГОСУДАРСТВЕННОЕ издательство политической литературы выпускает третью часть сборника воспоминаний о В. И. Ленине. Небольшое воспоминание, публикуемое в книге, печатается впервые, большинство хотя и печаталось раньше, но стало библиографической редкостью.

Даже знакомая только с этими воспоминаниями, можно живо представить себе грандиозный размах ленинской деятельности, напряженный ритм его рабочего дня, поразительную целеустремленность и в то же время величайшее разнообразие интересов.

Все воспоминания свидетельствуют о неослабевающем интересе Ильича к людям, о пылком внимании и их мыслям и настроениям, о стремлении постоянно пополнять свои представления об окружающей жизни.

Ходок-крестьянин, учитель, экономист, иностранный журналист — все они, попав в ленинский кабинет, оказывались в плену в непринужденный разговор и рассуждали с беседой своим наблюдениям и соображениям, будто целый век были знакомы с Владимиром Ильичем.

Мы печатаем в сокращении воспоминания А. А. Виноградова и Б. Ф. Малкина, а также отрывки из мемуаров Альберта Риса Вильямса и В. Смольянинова.

В. И. Ленин на закладке памятки «Освобожденный труд», Москва, 1 мая 1920 года (кинокадр).

Альберт Рис Вильямс

Он любил их...

НАКАНУНЕ моего отъезда в Америку меня принял Ленин в Кремле. Как и всегда, в приемной его ждала самая разношерстная толпа: дипломаты, служащие, офицеры, корреспонденты, люди старого буржуазного типа. Нечего и говорить, что Ленин не мог испытывать никакого удовольствия от подобного общества. Он просто исполнял свой служебный долг, и исполнял его с возмужавшей поспешностью. У него была единственная связь только со своими товарищами по работе — рабочими и крестьянами, и он предпочитал отдавать все свое время только им. Когда же ему приходилось делать выбор, они были в первой очереди. Последний прием окончательно убедил меня в этом.

На тот раз в приемной было очень много народу. Своей очереди пришлось ждать очень долго. Это было необычайное явление. Ленин принимал очень точно — всегда в назначенное время. Оставалось предполагать, что какое-нибудь важное государственное дело всецело заняло его внимание.

Полчаса, час, полтора... Мы сидим в приемной, нетерпеливо ожидаем, когда нас вызовут. Между тем из кабинета Ильича глухо доносится до нас мерный темп голоса его посетителя. Кто же был этой персоной, удостоенной такого милостивого и долгого приема у Ленина?

Наконец дверь открылась, и к общему удивлению и вопреки всем предположениям в приемной появился не дипломат, не какой-нибудь другое высокое лицо, а косматый мужик в потужушке и лаптях — типичный крестьянский беляк, каких можно было встретить миллионы в Советской стране.

— Простите, — сказал Ленин, когда я вошел в его кабинет — это тамбовский крестьянин, и мы обсуждали с ним вопросы, связанные с электрификацией, коллективизацией и новой экономической политикой. Мне было так интересно узнать его мнение, что я совершенно забыл о времени.

Конечно, Ленин с его университетским образованием, с его тридцатью годами собственных произведений, много путешествовавший, теоретически знал бесконечно больше, чем мог знать этот тамбовский мужик. С другой же стороны, из суровой школы жизни и труда этот крестьянин вынес много практических знаний — знаний, почерпнутых из жизненного опыта. Все это Владимир Ильич очень интересовало. Ему важно было узнать мнение крестьянина, его отношение к тому или иному вопросу. Подобно всем истинно великим людям, Ленин охотно выслушивал даже самого темного, неграмотного человека, который все же давал ему много. Этим он расширял свою информацию о самых различных людях, из различных местностей. Забавно собирая тысячи фактов, он обдумывал их, вывешивая, сравнивал и анализировал. Это давало ему еще одно преимущество над врагами, которых он умел обходить удачными маневрированиями. Для Ленина было вполне ясно, что думает и чувствует сибирский крестьянин, красноармеец или доносчик казак. Он проникнул в мысли и угадывал желания путливского литейщика, волжского грузчика и московской текстильщицы. Он говорил с ними лично или при посредстве надежного попернутого из них, и они действительно давали ему много.

Это была одна из причин, почему Ленин так охотно принимал посетителей. Другая причина заключалась в том, что он сам в свою очередь хотел познакомиться с ними своими знаниями — знаниями движущих сил революции, знаниями того, как нужно строить социализм.

Еще более важной причиной было то, что он любил их, глубоко любил. И был любим ими. В той же мере, в какой он питал отвращение к банкирам, макерам — паразитам и слугам капитализма, игрокам и спекулирующим на ценностях, — он чувствовал любовь ко всем производителям ценностей: к рабочим по углям, камню и металлу, к труженикам полей и лесов...

В этот раз в приемной было очень много народу. Своей очереди пришлось ждать очень долго. Это было необычайное явление. Ленин принимал очень точно — всегда в назначенное время. Оставалось предполагать, что какое-нибудь важное государственное дело всецело заняло его внимание.

Полчаса, час, полтора... Мы сидим в приемной, нетерпеливо ожидаем, когда нас вызовут. Между тем из кабинета Ильича глухо доносится до нас мерный темп голоса его посетителя. Кто же был этой персоной, удостоенной такого милостивого и долгого приема у Ленина?

Наконец дверь открылась, и к общему удивлению и вопреки всем предположениям в приемной появился не дипломат, не какой-нибудь другое высокое лицо, а косматый мужик в потужушке и лаптях — типичный крестьянский беляк, каких можно было встретить миллионы в Советской стране.

— Простите, — сказал Ленин, когда я вошел в его кабинет — это тамбовский крестьянин, и мы обсуждали с ним вопросы, связанные с электрификацией, коллективизацией и новой экономической политикой. Мне было так интересно узнать его мнение, что я совершенно забыл о времени.

Конечно, Ленин с его университетским образованием, с его тридцатью годами собственных произведений, много путешествовавший, теоретически знал бесконечно больше, чем мог знать этот тамбовский мужик. С другой же стороны, из суровой школы жизни и труда этот крестьянин вынес много практических знаний — знаний, почерпнутых из жизненного опыта. Все это Владимир Ильич очень интересовало. Ему важно было узнать мнение крестьянина, его отношение к тому или иному вопросу. Подобно всем истинно великим людям, Ленин охотно выслушивал даже самого темного, неграмотного человека, который все же давал ему много. Этим он расширял свою информацию о самых различных людях, из различных местностей. Забавно собирая тысячи фактов, он обдумывал их, вывешивая, сравнивал и анализировал. Это давало ему еще одно преимущество над врагами, которых он умел обходить удачными маневрированиями. Для Ленина было вполне ясно, что думает и чувствует сибирский крестьянин, красноармеец или доносчик казак. Он проникнул в мысли и угадывал желания путливского литейщика, волжского грузчика и московской текстильщицы. Он говорил с ними лично или при посредстве надежного попернутого из них, и они действительно давали ему много.

Это была одна из причин, почему Ленин так охотно принимал посетителей. Другая причина заключалась в том, что он сам в свою очередь хотел познакомиться с ними своими знаниями — знаниями движущих сил революции, знаниями того, как нужно строить социализм.

Еще более важной причиной было то, что он любил их, глубоко любил. И был любим ими. В той же мере, в какой он питал отвращение к банкирам, макерам — паразитам и слугам капитализма, игрокам и спекулирующим на ценностях, — он чувствовал любовь ко всем производителям ценностей: к рабочим по углям, камню и металлу, к труженикам полей и лесов...

В этот раз в приемной было очень много народу. Своей очереди пришлось ждать очень долго. Это было необычайное явление. Ленин принимал очень точно — всегда в назначенное время. Оставалось предполагать, что какое-нибудь важное государственное дело всецело заняло его внимание.

Полчаса, час, полтора... Мы сидим в приемной, нетерпеливо ожидаем, когда нас вызовут. Между тем из кабинета Ильича глухо доносится до нас мерный темп голоса его посетителя. Кто же был этой персоной, удостоенной такого милостивого и долгого приема у Ленина?

Наконец дверь открылась, и к общему удивлению и вопреки всем предположениям в приемной появился не дипломат, не какой-нибудь другое высокое лицо, а косматый мужик в потужушке и лаптях — типичный крестьянский беляк, каких можно было встретить миллионы в Советской стране.

— Простите, — сказал Ленин, когда я вошел в его кабинет — это тамбовский крестьянин, и мы обсуждали с ним вопросы, связанные с электрификацией, коллективизацией и новой экономической политикой. Мне было так интересно узнать его мнение, что я совершенно забыл о времени.

Конечно, Ленин с его университетским образованием, с его тридцатью годами собственных произведений, много путешествовавший, теоретически знал бесконечно больше, чем мог знать этот тамбовский мужик. С другой же стороны, из суровой школы жизни и труда этот крестьянин вынес много практических знаний — знаний, почерпнутых из жизненного опыта. Все это Владимир Ильич очень интересовало. Ему важно было узнать мнение крестьянина, его отношение к тому или иному вопросу. Подобно всем истинно великим людям, Ленин охотно выслушивал даже самого темного, неграмотного человека, который все же давал ему много. Этим он расширял свою информацию о самых различных людях, из различных местностей. Забавно собирая тысячи фактов, он обдумывал их, вывешивая, сравнивал и анализировал. Это давало ему еще одно преимущество над врагами, которых он умел обходить удачными маневрированиями. Для Ленина было вполне ясно, что думает и чувствует сибирский крестьянин, красноармеец или доносчик казак. Он проникнул в мысли и угадывал желания путливского литейщика, волжского грузчика и московской текстильщицы. Он говорил с ними лично или при посредстве надежного попернутого из них, и они действительно давали ему много.

27 ФЕВРАЛЯ 1920 года я был

Незабываемое

на приеме у Владимира Ильича Ленина, беседовав с ним о нуждах сельских учителей. Эту незабываемую встречу я представляю и сейчас, через много лет, отчетливо, зримо, до мельчайших подробностей.

В середине января 1920 года в Вильяме происходил 2-й уездный съезд работников просвещения и социалистической культуры. Я был тогда председателем исполкома Вильяменского учительского союза. В течение трех дней на съезде обсуждались злободневные вопросы работы и жизни учителей. Рассказывал о культурно-просветительной работе в деревне и городе, многие делегаты жаловались на крайне тяжелое экономическое положение учителей; не хватало хлеба, обуви, мануфактуры. Иеросина мы получили лишь по два фунта на целый год. Иногда даже лекции и читательские конференции, а также занятия по ликбезу приходилось проводить при лучине.

Мы видели, что и хлеб, и некоторые другие товары есть на месте. Местные власти плохо заботились о нуждах интеллигенции, и съезд решил командировать делегата для ходатайства перед центральными органами об улучшении бытового положения учителей.

Ходоком съезд избрал меня. Бережно спрятав наизусть своих товарищей, я тронулся в дальний путь и через три дня был в холодной, заснеженной Москве.

27 февраля я направился в Кремль. Во дворец со своим мандатом я прошел свободно. В большом зале во втором этаже проходила конференция работников по внешкольному образованию... В перерыве я встретил Н. К. Крупскую, с которой был знаком. Надежда Константиновна внимательно выслушала меня.

— Вам надо поговорить с Владимиром Ильичем, — сказала она.

— Как раз это и есть цель моей поездки, — отвечал я, — но я слышал, что он сейчас очень занят.

— Молодая Советская республика, как я узнал, находилась накануне войны с Белопольем.

— Я все-таки пойду узнаю, когда Владимир Ильич сможет принять вас, — настойчиво проговорила Надежда Константиновна и отправилась в другую часть дворца. Через пять минут она возвратилась и сообщила, что Владимир Ильич примет меня сегодня же, как только закончится у него совещание. Она пригласила меня остаться пока на конференции и принять участие в ее работе.

На повестке дня, помню, стоял вопрос о библиотечном деле. Обсуждали, какими мерами лучше приблизить книгу к рабочему и крестьянину и предостеречь надвигающийся книжный голод... Я уже «втянулся» в обсуждение библиотечной проблемы и даже записался для выступления в прениях, но скоро в зал вошла Л. А. Фотиева, секретарь Совета Народных Комиссаров, и сообщила Н. К. Крупской, что Владимир Ильич освободился и может принять делегата от вильяменского учителя.

Вместе с тов. Фотиевой я пошел через многочисленные комнаты дворца, Москва тогда пережила топливный кризис. Во дворец было холодно. Служащие были одеты в теплые. Всеюду за столами кипела работа, и нас как будто не замечали...

Затем меня пригласили войти в кабинет. Я прошел в высокие белые двери. Владимир Ильич вышел из-за рабочего стола и с приветливой улыбкой сделал несколько шагов по направлению ко мне. Подав руку, он предложил мне садиться.

Меня сразу поразила простота этого человека. Ни тени смущения не испы-

тал я и в дальнейшем за все время беседы с ним, и чем дальше шел разговор, тем более хотелось говорить, говорить свободно и открыто.

Я изложил суть дела. Выслушав, Ильич задал мне вопрос: — А как ваши учителя относятся сейчас к Советской власти?

— Смею верить вас, товарищ Ленин, — сказал я, — что в массе своей учителями никогда не было против Советской власти. Мы честно служим народу.

В то же время я рассказал о неопорках, которые были в уезде. Неоднократным наивом головы и словами: «Да, да... верно...», — Владимир Ильич подбодрял меня...

Потом он спросил: — Учителя получают теперь декреты?

— Да, получают, — ответил я, — в настоящий момент у учителя, работающего в деревне, в декретах большая потребность: крестьянин доверчив и охотно идет к учителю за тем или иным советом или разъяснением. Отдел народного образования совместно с Вильяменским исполкомом, имея это в виду, приступил к распространению декретов в печатном виде по всем школам уезда. Учителя являются непосредственными проводниками их в жизнь. Сознание крестьянина понемногу проясняется, и жизнь входит в свои берега. Но беда в том, что вследствие тех или иных обстоятельств распоряжения центра и декреты не всегда на местах выполняются.

— Скажите, книжечка Тодорского, ведь это о Вильяменском уезде написано? — спросил Ильич.

— Да, о Вильяменском, — ответил я. — Хорошая книжечка, — окликнула заговорил Владимир Ильич. — Я читал ее, и мне особенно понравилось, как Вильяменский исполком, отобразив мельницу у какого-то мельника, поставил его и управляет этой мельницей. Это совершенно правильный метод. Работа Вильяменского исполкома заслуживает внимания. Я слышал, что большинство членов его — бывшие петроградские рабочие. Правда это?

— Да, правда. Правда и то, что недоразумения в нашем уезде в дни революции было сравнительно меньше, чем в других местах. Подобраны члены исполкома хорошо. Влияние на них оказал более развитый и образованный коммунист товарищ Тодорский?

— А где товарищ Тодорский? — понтересовался Ильич.

— В действующей армии, — ответил я. — Передайте ему привет от меня, — попросил Ленин...

На все вопросы я дал точные и правдивые ответы. Особенно подробно пришлось рассказать о жизни учителей, их работе, лишениях и взаимоотношениях с местными организациями.

Выслушав все, Владимир Ильич тут же стал писать письмо в Наркомпрод. Он предложил мне лично передать его членам коллегии и, позвав тов. Фотиеву в кабинет, попросил ее телеграфировать, когда меня могут принять в Наркомпрод. Через несколько минут тов. Фотиева доложила, что я должен прийти в наркомат через полчаса.

Когда Ленин писал, склонившись над столом, ничто не мешало спокойно наблюдать за ним. Владимир Ильич сидел ко мне в профиль. Лицо дышало энергией и несокрушимой силой воли. Величайший коммунист, глава правительства огромного государства, Ленин одновременно был прост и так, казалось, обыкновенен в своем пономанном сером клетчатом костюме... Я не отличил бы его в другом месте от мастера или инженера на заводе. До мельчайших подробностей мне хотелось запомнить черты этого человека, о котором так много тогда говорили и ныне говорит весь мир...

Последнюю запись по техническим соображениям пришлось организовать в самой Центропечати. У нас испортился в это время записывающий аппарат, и запись пришлось отложить на несколько дней, а Владимир Ильич все время нас торопил.

Приготовив все к записи, я захватил Ильичем в Кремль. Когда мы спустились вниз, Ильичу была подана его машина. «Зачем же нам на двух машинах ехать, я поеду с вами», — обратился он ко мне и свою машину отпустил.

«Только у меня и как-то смущено и виновато обратился ко мне Ильич. — Вы уж, пожалуйста, доставьте на вашей машине и обратно в Кремль...»

Мой же удивление.

Дорогой Владимир Ильич все время шутил и говорил, что мы «своим Наркоматом» — Центропечатью — отхватили пол-Тверской. «В ваших руках все книжное богатство страны и вся печать. В Америке вы бы считались книжным и газетным королем». Ильич, весело смеясь, спрашивал меня: «Веря ли анекдот, который про вас рассказывают, о том, что вы получили в Центропечати книжку стихов поэта Шершеневича «Лошадь — как лошадь» и отправили ее в Наркомат по лошадиной части?»

Во время последней записи Владимир Ильич набросал целый ряд тем о новой экономической политике, наметив ряд товарищей, которые должны были эти речи произнести.

«Обязательно нужно записать все-российское старство», — сказал нам Владимир Ильич во время той же записи в 1921 году и тут же позволил М. И. Калинину, прося его подготовить ряд речей для крестьян.

Благодаря Владимиру Ильичу, который усильно пропагандировал граммофонную запись среди ответственных товарищей, нам удалось записать речи около 40 работников по важнейшим вопросам партийной и советской жизни. Эти речи раздавались на агитпунктах, на крестьянских сходках, в клубках, в Красной Армии и имели очень большое значение в нашей массовой агитационной работе.

Преодолевав исключительно большие трудности, вдохновляемые в своей работе Ильичем, мы сохранили, кроме того, на вечные времена его дорогой для всех нас голос.

Б. Ф. МАЛКИН

Встречи с Ильичем

НА мою долю выпала большая честь — работать под непосредственным руководством великого Ленина в качестве заместителя управляющего делами Совета Труда и Обороны по вопросам экономического и хозяйственного строительства. До этого я работал в Смоленской губернии, где руководил губернским советом народного хозяйства.

Моя первая встреча с деловой разговора с Владимиром Ильичем произошла 21 апреля 1921 года в его кремлевском кабинете, куда я пришел после того, как очень недолго подождал в гостиной «националь», подождать как меня попросили из секретариата Совнаркома «на телефонном расстоянии».

Сознание, что тогда я впервые услышал это определение, и оно показалось мне несколько загадочным. Потом, работая в Управлении делами, я узнал, что за этим не совсем обычным выражением скрывается большой и поучительный смысл. Дело заключалось в том, что не в обычаях Владимира Ильича было заставлять кого-либо себя ждать (он считал это неуважением к человеку), а потому в некоторых случаях он просил товарищей, желающих беседовать с ним, находиться у себя, но при условии, позволяющем в любой момент позвонить к ним и пригласить к Владимиру Ильичу. Это называлось на практике «быть на телефонном расстоянии».

Мне не пришлось сколько-нибудь ждать приема. Поздоровавшись с сотрудниками секретариата Совнаркома, я увидел, как из кабинета Владимира Ильича вышел какой-то военный, и меня тут же пригласили войти.

При входе в кабинет В. И. Ленина меня прежде всего поразила строгость и простота обстановки этой небольшой комнаты. На столе, как в ней нет ничего лишнего, все было расставлено в строгом порядке.

Когда я вошел, Владимир Ильич радостно меня приветствовал, указав на кресло и сказал: «Присаживайтесь». Сам сел напротив в плетеное кресло за своим столом, несколько придвинулся и с ласковой улыбкой пылко посмотрел на меня, чуть прищурив один глаз. Владимир Ильич задал мне несколько вопросов: когда я приехал в Москву, где остановился, есть ли у меня семья, и как-то незаметно стал спрашивать о моей прежней работе. Мое волнение и понятная застенчивость прошли сразу...

На другой день я приступил к своей новой работе.

Первое знакомство с делами обнаружилось отсутствием материалов о работе местных Экономических совещаний. Экоэко еще находилась в стадии организации.

Когда об этом узнал Владимир Ильич, он тут же подписал телеграфное распоряжение.

Когда начали поступать материалы от местных экономсоветов, Владимир Ильич неизменно интересовался ими, нередко сам просматривал их или просил подготовить для него короткие справки.

Особенное внимание уделял В. И. Ленин работе экономсоветов важнейших промышленных районов: Донбасса, Юго-Востока, Петрограда, Урала, Нижегородской губернии и др.

Приведу пример, который показывает, с каким вниманием относился Владимир Ильич к материалам губернских Экономсоветов Нижегородской губернии определил предполагаемую добычу торфа на 1921 год в 6 789 800 пудов.

Владимир Ильич вообще относился с большим вниманием к разработке торфяных залежей; эта цифра показала ему недостаточную надежность, и он поручил Управлению делами проверить ее.

Два телеграфных запроса были посланы председателю губернскому, но ответа не последовало. Владимир Ильич всегда особенно возмущался бюрократизмом, волокитой, небрежностью. Поэтому в Нижний-Новгород он отправил телеграмму...

Телеграмма Владимира Ильича возымела действие, и вскоре от председателя губернском совещания было получено письменное объяснение.

Следует сказать, что иногда Владимир Ильич считал вполне достаточной мерой наказания простой выговор или замечание, но он указывал, что каждый проступок человека не должен оставаться незамеченным, чтобы не выработывалось у него сознание безнаказанности и безответственности.

В. СМОЛЬЯНИНОВ

В конце апреля и в начале мая 1921 года Владимир Ильич особенно был занят проведением в жизнь важнейших решений X съезда партии. В стране совершался крутой поворот от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике.

Обстановка, которая тогда сложилась в нашей стране, была чрезвычайно сложной. Только величайший гений Ленина и его мудрое руководство помогли нашему народу выйти из неслыханного разорения, нищеты и голода на широкую дорогу построения социалистического общества и добиться небывалых в истории успехов.

К этому периоду относится знаменитая брошюра Владимира Ильича «О продовольственном налоге».

Тогда же (май 1921 г.) Владимир Ильич оставил важнейший документ — «Наказ» от ЦТО (Совета Труда и Обороны) местным советским учреждениям, Проект».

Наказ был передан на срочное рассмотрение Совета Труда и Обороны, заседание которого состоялось 20 мая. Совет Труда и Обороны поручил особой комиссии под председательством В. В. Осинского окончательно отредактировать «Наказ». К участию в работах комиссии были привлечены заместитель народного комиссара внутренних дел М. Ф. Владимирский и Управляющие делами Совета Труда и Обороны.

Владимир Ильич предупредил, что комиссия работала ускоренным темпом, так как необходимо было отправить «Наказ» на места до начала хлебоборборочной кампании.

В то время в Москве работало два съезда: IV съезд Советов народного хозяйства и IV Всероссийский съезд профессиональных союзов.

Владимир Ильич поручил привлечь к работе в комиссии делегатов этих съездов, чтобы обеспечить широкое участие представителей мест в обсуждении законов.

Когда комиссия закончила свою работу, нужно было сообщить об этом Владимиру Ильичу.

В эти дни он был нездоров, находясь в Горках и нуждался хотя бы в небольшом отдыхе.

Но, учитывая исключительную важность вопроса, Владимир Ильич предложил прислать все материалы на просмотр и очень быстро вернуть их.

«Наказ» был утвержден Президиумом ВЦИК 30 июня 1921 года, после чего требовалось его отпечатать и разослать на места, «до волостей» включительно.

Владимир Ильич систематически интересовался, как идет печатание и рассылка «Наказа» на места...

21 июня 1921 года Ленин обратился к редакциям крупных московских газет: «Известий ВЦИК», «Правды», «Бедноты» и «Экономической Жизни»...

Обращение Владимира Ильича послужило основанием для ряда статей в газетах, затрагивающих поставленные им вопросы.

Еще ранее, в мае 1921 г., Ленин предложил признать газету «Экономическая Жизнь» органом ЦТО, поставив перед редакцией следующие основные задачи: «Она должна, руководясь тем же Наказом, печатать систематические сводки данных о местной экономической работе, наряду с ее теоретическим материалом. Учет и изучение хозяйственного опыта всей хозяйственной работы РСФСР, выработка руководящих указаний на основе этого опыта должны быть главной задачей «Экономической Жизни».

Редакция должна подобрать и расширять круг местных корреспондентов как партийных, так и беспартийных для ознакомления с работой на местах.

На Центропечать возлагается обязанность правильно доставлять «Экономическую Жизнь» в 2-х экз., в каждую губернную, уездную и волостную библиотеку, а на эти библиотеки — подшивка и хранение обоих экземпляров с предоставлением пользования ими всему населению».

Главной задачей В. И. Ленин неизменно считал изучение местного опыта хозяйственной деятельности и популярное его освещение на страницах газет.

По предложению Ленина, в газете организован отдел «На местах», и меня назначили его редактором.

Владимир Ильич проявлял исключительное внимание к этому отделу.

тальное внимание к этому отделу: подробно с ним знакомился, интересовался объемом и содержанием поступающих с мест материалов, принципами, по которым отбирался материал для публикации, и тем, насколько газета охватывает весь комплекс поступающих материалов.

Не один раз приходилось мне слышать от Владимира Ильича, что мало научиться издавать хорошую экономическую газету, надо еще уметь организовать главное — довести эту газету до массового читателя. Возможно, говорил Владимир Ильич, «Экономическая Жизнь» доходит до волостей, но она «загравает на руках» у руководящих работников, поэтому задача состоит в том, чтобы сделать ее доступной широкому читателю.

Первые отчеты экономсоветов по «Наказу» ЦТО должны были поступить в конце октября — начале ноября 1921 года и дать материал, освещающий первый опыт реализации урожая в условиях новой экономической политики.

Именно этот вопрос представлял для Владимира Ильича исключительный интерес: он считал, что только по первым итогам можно проверить правильность законодательных мероприятий, внести нужные коррективы и дополнения.

Первый отчет поступил от Красноярского уездного экономического совещания.

Владимир Ильич поручил Управлению делами написать благодарность красноярцам и на этом письме сделал приписки:

«19 сентября
Уважаемый товарищ! Благодарю за присылку отчета раньше других. Очень прошу и впредь писать аккуратно. Ленин».

И вторая приписка:
«19/IX
Уважаемые товарищи!
Присоединяю свою благодарность за присылку отчета ранее других и прошу быть образцовыми по отчетности и впредь.
Ленин».

В эти дни он был нездоров, находясь в Горках и нуждался хотя бы в небольшом отдыхе.

Но, учитывая исключительную важность вопроса, Владимир Ильич предложил прислать все материалы на просмотр и очень быстро вернуть их.

«Наказ» был утвержден Президиумом ВЦИК 30 июня 1921 года, после чего требовалось его отпечатать и разослать на места, «до волостей» включительно.

Владимир Ильич систематически интересовался, как идет печатание и рассылка «Наказа» на места...

21 июня 1921 года Ленин обратился к редакциям крупных московских газет: «Известий ВЦИК», «Правды», «Бедноты» и «Экономической Жизни»...

Обращение Владимира Ильича послужило основанием для ряда статей в газетах, затрагивающих поставленные им вопросы.

Еще ранее, в мае 1921 г., Ленин предложил признать газету «Экономическая Жизнь» органом ЦТО, поставив перед редакцией следующие основные задачи: «Она должна, руководясь тем же Наказом, печатать систематические сводки данных о местной экономической работе, наряду с ее теоретическим материалом. Учет и изучение хозяйственного опыта всей хозяйственной работы РСФСР, выработка руководящих указаний на основе этого опыта должны быть главной задачей «Экономической Жизни».

Редакция должна подобрать и расширять круг местных корреспондентов как партийных, так и беспартийных для ознакомления с работой на местах.

На Центропечать возлагается обязанность правильно доставлять «Экономическую Жизнь» в 2-х экз., в каждую губернную, уездную и волостную библиотеку, а на эти библиотеки — подшивка и хранение обоих экземпляров с предоставлением пользования ими всему населению».

Главной задачей В. И. Ленин неизменно считал изучение местного опыта хозяйственной деятельности и популярное его освещение на страницах газет.

По предложению Ленина, в газете организован отдел «На местах», и меня назначили его редактором.

Владимир Ильич проявлял исключительное внимание к этому отделу.

Как мы записывали голос Ленина

В течение трех лет (1919—1921) нам в Центропечати удалось записать тридцать речей Владимира Ильича на граммофонные советские пластинки.

С самого начала восстановления нами единственной в России Апрелевской фабрики (под Москвой) Владимир Ильич проявил очень большой интерес к делу граммофонной пропаганды и всячески помогал нам наладить это сложное, трудное дело, прося немедленно его известить, когда можно будет приступить к записи речей.

У нас сразу же возник ведомственный спор с Народным комиссариатом продовольствия, считавшим, что граммофонное дело должно служить для товароборона с деревней, а не для политической пропаганды.

Спор был решен в нашу пользу исключительно благодаря вмешательству Владимира Ильича, который настаивал, чтобы это дело было широко поставлено.

Владимир Ильич много нам рассказывал, как он слышал политические речи в граммофоне в Швейцарии, а также об использовании граммофона во время предвыборной кампании в Америке

О ПУБЛИКОВАННОЕ в «Литературной газете» стихотворение Бориса Слуцкого о поэтах и физиках послужило поводом для многих высказываний на недавней поэтической дискуссии в Ленинграде и явилось предметом ожесточенных нападок многих выступавших. Лев Ошанин в своем докладе повторил те же соображения, которые до того сформулировал в стихах, тоже напечатанных в «Литературной газете».

Мне кажется, и стихотворение Б. Слуцкого, и общее впечатление о нем, и множество отрицательных, резких оценок — все это по-моему весьма симптоматично: Слуцкий затронул предмет, о котором многие из нас размышляют с тревогой: он жист и без оценок высказал вслух мысли, таинские или недоуменные другим.

В этом стихотворении говорится об очень большом, видимом любому невооруженному глазу разрыве, существующем в наши дни между искусством и точным знанием. Если физика — да и не только она физика, а все естественное в целом — пользуется у нашего общества исключительным вниманием, признанием и почетом, если естественное с сокрушительной смелостью и размахом прорубает на наших глазах все новые и новые окна в мироздание, атакует небо и штурмует тайные недра материи, то ведь ни одно из произведений современного искусства — ни поэма, ни симфония, ни роман, ни фильм, ни статуя — решительно не может похвалиться такими же ошеломляющими победами. Стихотворение Бориса Слуцкого констатирует этот разрыв, и в констатации современного положения вещей оно правдиво, с подлинным юрисдикцией верно. Слуцкий не анализирует, не ищет объяснений, не заглядывает вперед. В этом сила и слабость его стихов. Но о слабости речь будет впереди.

И право же, возражения Ошанина, сводящиеся к тому, примерно, что, дескать, у него есть личные друзья среди физиков, что эти физики не могут обойтись без его, ошанинских, песен, эти ребячливые признания решительно бьют мимо цели, не затрагивают существа дела.

С тех пор как напечатано стихотворение Слуцкого и прозвучала критика в его адрес, время прошло немалое. В условиях общего темпа нашей жизни срок этот представляется еще более значительным. Между тем, существо дела по-прежнему кровно касается всех, для кого наша культура не пустое слово. И я хочу остановиться на существе дела, — спокойно, без обнаружения личного пристрастия, обиды и похвалы. Только такой разговор достоин нашей любви к своему призванию и гордости за общество, в котором мы живем и работаем.

Как же это произошло?

Как случилось, что в борьбе за лучшее будущее человечества на линии огня оказались представители точного знания, с их логическими таблицами, химическими формулами, электронными информационными, с всей аппаратурой, ими же созданной, — а не мы, служители муз, не мы, поэты, художники, музыканты?

Где мы были, какое рабочее утро мы проспали, на какой смотр не явились? Как в самом деле это произошло? У всего на свете есть прошлое и есть будущее.

Но прежде всего надо огорчить главное. «Поэзия» и «Физика» в нашем контексте суть дорогие знания, под которыми подразумевается содержание, более широкое и устойчивое в культуре: искусство и точное знание — два разных метода познания мира. Обычно их трактуют, как диаметрально противоположные методы. Но сама эта противоположность возникла исторически.

Здесь-то и следует вспомнить историю. Вспомним, как начинался гуманизм под полуденным солнцем Возрождения. «Тогда», — говорит Энгельс, — не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества... Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математи-

ком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики; Альбрехт Дюрер был художником, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации... К этим великолепным примерам Энгельс прибавил сына архангельского рыбака, который предугадал атомное строение материи, и он же был автором первых русских гениальных стихов о северном сиянии; прибавил великого немца — автора «Фауста», кроме того, наметившего законы морфологии растений и открывшего межклеточную связь в человеческом черепе.

Итак, Леонардо да Винчи, Ломоносов, Гете — три убедительных примера гармонического и поэтому беспредельно плодотворного развития человека.

Вот что говорит о них Энгельс: «Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающего, калечащего действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках». В этом все дело! С той поры, когда жили и творили эти несравненные гении, время прошло немалое. Оно характеризуются чрезвычайно богатым накоплением опыта, знаний, мастерства во всех областях человеческой деятельности: научной, творческой, теоретической, практической, любой другой. Параллельно накоплено шло дифференциация опыта и знаний. Сама культура ветвилась на множество расходящихся потоков, рек, ручьев и ручьинок. В культуре возникло новое явление: **свядальности**. В этом диалектика развития культуры.

Специалисты, как известно, существуют разные.

Специалист, следующий своему призванию и достигший в нем высокого совершенства, заслуживает всеобщего уважения. Но специалист, ограничивший себя своей узкой областью, наделивший на глаза шторы и потерявший из виду мир и жизнь, издавна является предметом сатиры. Если специалист первого типа — краса и гордость культуры, то специалист второго типа — древооточек, подрывающий ее корни. Мы очень хорошо знаем, что в западноевропейской культуре специалистов второго типа — глыба-глыба. Но чего греха таить, у нас они имеются!

Зачем говорить о разрыве между физиком и поэтом, когда случается, что и химик не понимает физиков, физиколог — химиков, строители технических конструкций — создатели квантовой механики и так далее. Все это — общеизвестные истины, и все они стоят в одном ряду, теснясь друг к другу, как частую, скрывающую от глаз мироздания с его звездным небом, зеленой травой, красным солнцем! Знание культуры напоминает вавилонскую башню, где к смешению всех языков мира, живых и мертвых, можно прибавить многочисленные химические формулы, алгебраические уравнения, нотные знаки, радиокоды, дорожные знаки, сигналы флажки, позывные коротковолновых, — попробуй разберись в этой чертовой тарабарщине, если жизни хватит!

Лишущий эти строки — профан во многих областях, выходящих за пределы его призвания (да, да, тот самый специалист, который...), но на старости лет его постоянно гложет гомоса о малых пределах его специальности, о коротком сроке человеческой жизни. Сколько упущено зря, сколько не прочитано, не увидено своими глазами. Наверно, это знакомо каждому человеку. Это — результат дисгармонии развития современного человека. И я не смею закрыть на нее глаза и не сознаюсь в ней хотя бы перед самим собой.

Ну хорошо, предположим, я поэт, существо, испокон веков считающееся односторонним, моею областью — мечты, грезы, слезы и прощая чехула. Но ведь и химик, живущий где-нибудь в доме напротив, не похвалится тем, что пишет симфонию, как Бородин (бывший химиком!). И старый врач из моего районной амбулатории не титится написать «Палату № 6», как Чехов (бывший врачом!). Скажут, что примеры Бородина и Чехова — исключения. Вер-

но, по речу идет о тенденции, о направлении развития. Это направление увидит в сторону от возможностей Бородина и Чехова.

Все мы в этом смысле равны, все одинаково обречены в клетках своих призваний, профессий, специальностей. И это решающая черта в нашем общественном поведении и в нашей деятельности.

Вернемся к стихотворению Бориса Слуцкого. Как уже сказано, в нем уловлена правда жизни. Оно — точный снимок с нее, снимок моментальный. Если угодно, документальный и вот именно поэтому оно до конца достоверно. В искусстве (в противоположность фотографии) достоверно только одно: диалектика развития. Речь идет о точке зрения исторической, о знании прошлого и об умении предвидеть будущее. Пусть поймут меня правильно: здесь нет и тени иронии в адрес В. Слуцкого, он сделал свое, и сделал талантливо, хотя бы потому, что вызвал людей на спор.

По его следам и начинается этот серьезный разговор, который должен быть продолжен и будет продолжен. Разговор о нашем гуманизме, о тенденции его развития, то есть о синтезе, который снимает антинomio «поэзии» и «физики».

Почти физически ощущая облик нового, коммунистического общества, мы предвидим в нем несравненно возможную для гармонического расцвета человека. Предвидим такое развитие способностей и дарований, когда никакая, самая узкая и изощренная специализация, никакое самоотверженное следование призыванию не отнимут у человека ни досуга, ни воли (то есть страсти!) к широкому познанию мира в его общих закономерностях.

Человек будущего предсказан Леонардо Ломоносовым, Гете. Это человек, которому математический анализ также не чужд, как симфоническая музыка, палитра с красками — как ток высоко напряжения.

Что же это значит применительно к поэзии?

Поскольку речь идет о нашем собственном доме, здесь следует уже в сегодняшнем дне увидеть ростки будущего. Если для поэта нашего времени не звучит музыкой и ритмом текущая вселенная Гераклита и движение меченых атомов в кровеносной системе, — значит, он еще не поэт нашего времени. Если он еще не провел бессонных ночных часов, пытаясь (хотя бы пытаясь, большего не спросишь с него) проникнуть в тайны материи, разгадавшие финики двадцатого века, — значит, он предпочитает плестись в обзоре армий, покоряющей природу. Если электронная машина кажется ему грозидшим шкафом, в котором неизвестно зачем моргают зеленые вспышки, — значит, он не узнал в лицо покоренного врага и будущего верного друга.

Наше дело и наша обязанность вести читателя за собою в этот еще таинственный для нас самих мир новой гармонии и новой красоты. Для каждого, кто всерьез хочет раздвинуть свой кругозор, результаты скажутся сами собою. Они сами обогатят поэтический язык поколения, наше воображение и ритм.

Но сказанное здесь о поэте обращено и к физикам!

Им тоже следует помнить, что мироздание не ограничено пределами материального знания, не замыкнуто в круги привычных им формул, порядком абстрактных вещей жизни. Деятель симфонии Бетховена и «Медный всадник» Пушкина далеко превосходят своей мощью не только самые мощные рефракторы Пулковской обсерватории, но и космическую ракету.

Правда, физики могут возразить: — Эк, куда хватили! Кто же сомневается в Бетховене и Пушкине? Вы лучше покажите что-нибудь мало-мальски похожее в современном искусстве!

На это мы ответим, что любое сегодня в любые времена представляется современникам в виде горного потока, в котором преломляется солнечный свет, но не так-то легко отличить в нем великое от малого. Узнавайте, ищите, вычитывайтесь. Может быть, вам и повезет, а вместе с вами и нам.

Но пусть об этом говорят сами физики. Мы ничего не подсказываем друг другу.

Важнейшим периодом падения, сохраняя нечто от крупного человека, живущего «по большому счету». Малюгин, провозгласивший немало громких слов о трагизме Иванова, и здесь жестоко обижает сам себя. Что же касается его представления о «симпатиях» к Иванову, вызываемых Чеховым, то здесь-то и выступает во всей своей трагической лирике чай с запахом полувекковой липы.

Чехов скорбит об Иванове, но и сурово осуждает своего героя, — не за то, что тот разочаровался в своих прежних идеях, а за его неспособность и нежелание искать новые пути; именно в этом и состоит его падение: не в ревности по отношению к прежним идеям, а в ренегатстве по отношению ко всем большим социальным идеалам. Чехов ставит своей целью перед интеллигентом тот же вопрос, который он выдвигает в уста повествователя из «Рассказа неизвестного человека»: «Отчего мы, упавши раз, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищем другого? Отчего?» Я привел в своей книге высказывание Чехова о той цели, которая руководила им в создании его пьесы: он «ледел дерзкую мечту суммировать все то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях и своим Ивановым положить предел этим писаниям». Я привожу в книге слова Горького о ноющих чеховских персонажах: «Иногда в их серой массе раздается выстрел, это Иванов или Треллевы догадываются о том, что им нужно сделать, и — умерли». Я привожу также слова Чехова о реакционных книгах и идеях, помогающих «дьяволу размножить тысячи интеллигентов». Малюгин не горьким, ни с Чеховым, хотя фактически полемизирует с ними обидно. Малюгин, в частности, предпочитает сделать вид, что это Ермилов придумал столь резкие, столь «нечеховские» слова о ренегатствовавшей интеллигенции. А ведь творческая дискуссия предполагает хотя бы смелость.

По поводу «Чайки» мой оппонент заявляет, что Ермилов «верно определяет главную тему пьесы как тему жизненного подвига, тему призвания и искусства, а не любви, не личной драмы Нины Заречной». Но и в тех случаях, когда Малюгин соглашается со мной, я не могу согласиться с ним. Я вовсе не противопоставляю тему жизненного подвига, призвания, искусства — теме любви, а, наоборот, стремлюсь раскрыть глубокую внутреннюю связь этих тем в пьесе. Малюгин не видит этой связи, не слышит важнейшего лирического мотива «Чайки», и, конечно, нам жалеть его: глухоту нельзя компенсировать ничем,

на повестке дня — очерк и рассказ

Короткий рассказ о состоявшемся на днях во Львове выездном пленуме правления Союза писателей Украины мы начнем с выступления двух ораторов, не имеющих, казалось бы, прямого отношения к литературному творчеству. Это — мастер сельского хозяйства Ярослав Чиж и Евгений Долинков. Говорили они больше всего о вещах, на первый взгляд, далеких от литературы, — о свиноводстве и кукурузе, о планах и обязательствах. Но надо было видеть, как горячо откликался зал на их простые слова и призывы к писателям. И, конечно, справедливым было замечание Ю. Збанацкого, когда он сказал, что в людях, подобных Ярославу Чижу, писатели видят пример настоящей любви к своему делу, гражданской сознательности, прообразы будущих героев.

Основное достоинство пленума в том, что украинские литераторы повели разговор о месте писателя в жизни, о его гражданском долге, связанном с этими большими проблемами и проблемами «чисто» профессиональными, конкретными творческими. Речь шла главным образом о так называемой «малой» прозе. Здесь писатели Украины ищут своего места, пытаются завоевать большую популярность у читателя. Заняться перенесением? Но это значило бы назвать десятки имен писателей. Полнее (хотя бы коротко) остановиться на главных вопросах, поднятых на заседаниях пленума...

Что это значит: художник ищет «материал»? Большинство наших очеркистов, говорит О. Гончар, хорошо знают явления жизни, но далеко не все умеют глубоко осмысливать и обобщать процессы. Часто слышишь: «еду собирать материал». Вроде как: «иду в лес по грибы». А нам следует не просто собирать факты, а выдумывать в них.

Какие значения имеет для рассказа и очерка оригинальный, хорошо продуманный сюжет? Он дает, отвечает М. Рудницкий, большие возможности показать героя в становлении, в динамике. Между тем в сегодняшней украинской новеллистике и очерке, при всех их достижениях, еще много сухой описательности, скудной зарисовочности.

Каких видят писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современника? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитал я в журнале «Днипро» и «Новтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похожие друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Всплывшие корнями в каменный свод Как будто бы связанный с ним канатом. Встретал он пестрым лесом приход И горный простор насыщал ароматом.

Он дышит еще, век прожить готов, Цветок за цветком раскрывает робко А осенью рассыпья красных плодов Покроет бегущую в бездне тропку.

Перевела с армянского Т. СПЕНДАРОВА

ПИСЬМО Фотограф Г. Куруса

АМО САГИН ШИПОВНИК

Дождями отмытая доба, Старьями тысячелетий над входом Над мрачным ущельем нависла скала Тяжелым каменным небосводом.

Из толщи ее, зеленый, живо, С рожденья небесной не вышедший сия, Вырос шиповник вниз головой, Жилец одинокий воздушной пустыни.

Нешадно трепал его бури шквал, Но он не сдавался, с грозой споря. Он нищу у дикого камня брал И воду у влажных ветров нагорья.

Без солнца он вырос, депок, живуч, Не вянул в жару, не адел с зарею. Лишь бледный, рекой преломленный луч На нежной листве трепетал порою.

Беда настигала со всех сторон, Но в хрупком стволе закипала соки, Под тяжестью птиц стиблялся он, Но стойко стоял против бурь жестоких.

Всплывшись корнями в каменный свод Как будто бы связанный с ним канатом. Встретал он пестрым лесом приход И горный простор насыщал ароматом.

Он дышит еще, век прожить готов, Цветок за цветком раскрывает робко А осенью рассыпья красных плодов Покроет бегущую в бездне тропку.

Перевела с армянского Т. СПЕНДАРОВА

На повестке дня — очерк и рассказ

Думать и искать... Народ наш вырос во всех отношениях — в политическом, нравственном, эстетическом и т. д. Хочется видеть таким и литературных героев. Но для этого прежде всего писатель сам должен быть высококультурным, вдумчивым, можно сказать, мудрым. Нароному научить, говорит И. Дзюба, это значит самому много знать и непрерывно узнавать.

Эту же мысль подчеркивал в своем выступлении один из старейших украинских литераторов П. Панч. Писатели, которые не заботятся о своем духовном росте, скажет он, могут учиться в обзоре советской культуры...

Говорилось на пленуме и о путевых зарубежных очерках (А. Полторацкий), о таком «поднаре» документально-очерковой литературы, как литературная запись биографии «бывалых людей» (В. Минко), многие отметили незначительные критики к «малой» прозе...

Мы до сих пор еще не сказали о докладе Д. Коппица «Наша современность в жанре рассказа и очерка». К сожалению, доклад при всей его обстоятельности был слабым «запевом» (это отмечали участники прений). Трудности перед Д. Коппицей стояли, безусловно, большие: чуть ли не впервые собрать огромный и разнообразный материал, проанализировать его, сделать определенные теоретические обобщения. Но в докладе конкретный анализ и теоретические рассуждения оказались слабо связанными друг с другом; доклад вообще не хватало проблемности...

По второму вопросу повестки дня — об усилении общественных форм работы в писательских организациях Украины — выступил Ю. Смолич. Главное дело писателя, — разумеется, книга. Но без общественной деятельности нет и творческой работы, нет жизненных тем, проблем, сюжетов. Идет ли речь о сотрудничестве в газете или встречах с читателем, о зарубежных поездках или депутатской работе, об участии в деятельности издательства, секций и т. д. — все это формы связи литературы с жизнью. Во всем этом нужно видеть гражданскую миссию советского писателя.

Р. Братуня особо подчеркнул необходимость систематического участия писателя в прессе. Справедливости этого требования, ставящего особенно острый вопрос о необходимости участия в современных условиях, говорится: «Пропангада идей коммунизма должна быть близкой и понятной трудящимся, носить задушевный характер, доходить до ума и сердца каждого советского человека, будить в нем самые светлые и благородные мысли и чувства». Писатели — помощники партии — не могут стоять в стороне от этого важного дела.

Было высказано немало конкретных предложений по улучшению внутрисоюзной работы. В. Соколов (Сталино), Р. Братуня (Львов), С. Загородний (Днепропетровск), М. Бурбак (Черновцы), Ю. Балага (Ужгород) и другие говорили о жизни областных писательских организаций, о необходимости укрепления связей между столичными и областными литераторами.

В прениях участвовало около 30 человек, в том числе Н. Лесючевский (Москва), Я. Брыль (Белоруссия), А. Саар (Эстония), украинские литераторы П. Загребельный, Ю. Барабаш, И. Цюла, М. Шумило и другие. О некоторых тенденциях и задачах современной советской литературы говорил в своей речи секретарь правления Союза писателей СССР П. Марков.

Львов. (Наш спецкор)

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

От всего сердца благодарю всех, кто подправил меня с моим шестидесятилетним и высокой правительственной наградой.

Евгений ГАБРИЛОВИЧ

ПОЛЕМИКА О неверном понимании Чехова и странных методах дискуссии

В ЖУРНАЛЕ «Октябрь» (№ 1, 1960) появилась статья Л. Малюгина, полемизирующая с моей книгой о драматургии А. П. Чехова.

Изучение чеховской драматургии в ее богатстве, сложности, новаторском своеобразии настоятельно требует научных дискуссий. Но статья Малюгина дает материал не столько для творческой дискуссии, сколько для суждения о том, какую роль должна быть наша творческая дискуссия. Автор не выдвигает никакой позитивной концепции чеховской драматургии; о его собственной точке зрения можно судить лишь по направлению полемических рассуждений да по некоторым разрозненным высказываниям. Когда же эта точка зрения становится ясней, то она оказывается не новой, и не собственною, а очень старой. Перед нами во всем произведение распространенных в свое время представлений о Чехове, как об умилительном носителе благодетельного пенсне на шарнирочке, сумеречного певце состоятельности и мыслей слабостей современной ему интеллигенции, утешающей ее, подобно старой няньке из «Дяди Ванни», прелестью «липовым чайком». Поскольку, как сказано, эта точка зрения является лишь в полемическом потоке, постольку нам придется заняться этим потоком. Здесь нас ожидают удивительные обстоятельства.

Вот Малюгин полемизирует с моей трактовкой образа Иванова из одноименной пьесы.

«Как же трактует эту фигуру Ермилов? Он не находит для Иванова ни одного доброго слова. По его мнению, этот человек заслуживает только осуждения и презрения». Малюгин уверяет, что Ермилов «беспощадно обличает Иванова и в то же время явно симпатизирует его идейному противнику — доктору Львову». Ермилов даже «смотрит на Иванова глазами Львова» — «безупречного, но бездушного», и «судит Иванова не как исследователя, интересующегося социальной болезнью века, а как следователя, переписавший пункт за пунктом его «ареступления» против общепринятой морали».

Однако я писал в моей книге ниже следующее:

«Все слепит о сознательной подлости Иванова не соответствующего действительности. Обывательщина любит злое радоваться над падением вращающихся».

В. ЕРМИЛОВ

передовых, необычных для нее, идейных людей». Я указываю в книге, что «Иванов, как личность, не такой уже слабый человек. Мы верим тому, что он был силен, смел, горяч, дерзок и что именно за это так глубоко его полюбила бедная Сарра, его жена. Слав не он сам — слаба его позиция в жизни. Вот почему Чехов относится отрицательно к тому разоблачению, которым непременно тиранит и казнит Иванова доктор Львов». Я отношу Иванова к числу «даже лучших людей из интеллигентского старого типа», но капитализма перед действительностью. Ясно уже и из приведенных цитат, что я рассматриваю Иванова не как следователя (на ламбуру Малюгина насчет «исследовательского следователя» сам по себе не так плох), а именно и прежде всего как носителя «социальной болезни века».

Точно так же уже и из приведенных цитат видно, что я не смотрю на Иванова глазами доктора Львова. Я подчеркиваю в книге «бесплодность позиции Львова, бесплодность его критики Иванова... Он не может предложить ничего нового, положительного... Львов по своей социальной, идейной позиции, — это всего лишь прежний Иванов, но без талантливости и широты последние годы». У Львова уже «отравлена душа. Какой же выйдет из него деятель, борщ со злом? Мы чувствуем слабость, непрочность Львова... Поэтому Львов так грубо ошибается, обвиняя Иванова в том, что тот сознательно направляет свою волю в сторону зла... Чехов... не зная, какую позицию следует противопоставить позиции Иванова, все же чувствует, что во всяком случае — не позицию Львова». Я отмечал, что во взглядах Львова есть и ценное, верное: не «все это оказывается и мелочным и бездушным»...

На языке Малюгина все это означает не найти «ни одного доброго слова» для Иванова и явно симпатизировать Львову.

Бесплодность подобных полемических упражнений (ни говоря уже о гру-

ваем им период падения, сохраняя нечто от крупного человека, живущего «по большому счету»). Малюгин, провозгласивший немало громких слов о трагизме Иванова, и здесь жестоко обижает сам себя. Что же касается его представления о «симпатиях» к Иванову, вызываемых Чеховым, то здесь-то и выступает во всей своей трагической лирике чай с запахом полувекковой липы.

Чехов скорбит об Иванове, но и сурово осуждает своего героя, — не за то, что тот разочаровался в своих прежних идеях, а за его неспособность и нежелание искать новые пути; именно в этом и состоит его падение: не в ревности по отношению к прежним идеям, а в ренегатстве по отношению ко всем большим социальным идеалам. Чехов ставит своей целью перед интеллигентом тот же вопрос, который он выдвигает в уста повествователя из «Рассказа неизвестного человека»: «Отчего мы, упавши раз, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищем другого? Отчего?» Я привел в своей книге высказывание Чехова о той цели, которая руководила им в создании его пьесы: он «ледел дерзкую мечту суммировать все то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях и своим Ивановым положить предел этим писаниям». Я привожу в книге слова Горького о ноющих чеховских персонажах: «Иногда в их серой массе раздается выстрел, это Иванов или Треллевы догадываются о том, что им нужно сделать, и — умерли». Я привожу также слова Чехова о реакционных книгах и идеях, помогающих «дьяволу размножить тысячи интеллигентов». Малюгин не горьким, ни с Чеховым, хотя фактически полемизирует с ними обидно. Малюгин, в частности, предпочитает сделать вид, что это Ермилов придумал столь резкие, столь «нечеховские» слова о ренегатствовавшей интеллигенции. А ведь творческая дискуссия предполагает хотя бы смелость.

По поводу «Чайки» мой оппонент заявляет, что Ермилов «верно определяет главную тему пьесы как тему жизненного подвига, тему призвания и искусства, а не любви, не личной драмы Нины Заречной». Но и в тех случаях, когда Малюгин соглашается со мной, я не могу согласиться с ним. Я вовсе не противопоставляю тему жизненного подвига, призвания, искусства — теме любви, а, наоборот, стремлюсь раскрыть глубокую внутреннюю связь этих тем в пьесе. Малюгин не видит этой связи, не слышит важнейшего лирического мотива «Чайки», и, конечно, нам жалеть его: глухоту нельзя компенсировать ничем,

если это не глухота Бетховена. И, во всяком случае, глухоту невозможно возместить передержками. А по этой части в статье Малюгина начинает разыгрываться нечто уже исключительное.

Малюгин обвиняет меня в «модернизации» Нины Заречной. Полемика уверяет, что «Ермилов пишет: «Он (Треллевы. — Л. М.) говорит Нине в финале: «Вы нашли дорогу, вы спасены, а я погиб» (стр. 99). Но в пьесе Треллевы говорит Нине «вы нашли свою дорогу», но не говорит «вы спасены». А отсюда начинаются новые домыслы: на следующей странице спасается Нина Заречная становится уже победительницей... Таким образом, мой первоначальный «домысел», из которого вытекают, заключаются, по Малюгину, в том, что я произвольно вложил в уста Треллевы слова: «Вы спасены». Но оторвав страницу 99-ю моей книги, на которую ссылается Малюгин, мы не обнаружим на этой странице каких бы то ни было слов Треллевы. Реплику Треллевы, которую имеет в виду Малюгин (и из которой он приводит начало: «Вы нашли свою дорогу»), — эту реплику я привожу, разумеется, в точности так, как она есть в пьесе (на другой, 92-й, странице моей книги). Вот эта реплика, как она приведена мною и как она написана Чеховым: «Вы нашли свою дорогу», — говорит он Нине, — вы знаете, куда идете, а я все еще ношуся в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание».

Как видим, я не вложил в уста Треллевы слова «вы спасены», а точно процитировал чеховский текст. Нет в этой цитате и слов «а я погиб», которые, по Малюгину, я тоже добавил от себя. Если бы я был повинен в искажениях чеховских текстов, то это и был бы побег. Но что же, однако, произошло с Малюгиным? Пытается разоблачить в этом, мы попадаем в совершенно фантастическую, «запретительную» сферу. Вернемся вновь к той странице, на которой, как уверяет Малюгин, «Ермилов пишет: «Он (Треллевы. — Л. М.) говорит Нине в финале: «Вы нашли дорогу, вы спасены, а я погиб» (стр. 99)».

Мы действительно находим на этой странице эти слова. Но мы не можем сказать по этому поводу Малюгину: «Вы спасены». Вот что мы читаем на стр. 99-й:

«В своей записной книжке Чехов расшифровал свое понимание образа Треллевы, причин его гибели: «Треллевы не имеет определенных целей, и это его погубило. Талант его погубил. Он говорит Нине в финале: «Вы нашли дорогу, вы спасены, а я погиб»».

ГЕНЕРАЛ ВЕБЕР И ЕГО ПОДРУЧНЫЕ

НЕ ТАК давно жители западногерманского курортного городка Бад Зольма могли наблюдать одно из самых обычных зрелищ. К большому старинному дому с высокими стрельчатыми окнами, четко печатая шаг и позвывая орденными и медалями, торопливо сходились нахлынувшие в этот тихий курортный местечко офицеры и генералы бундесвера. Само по себе даже столь внушительное скопление военных чинов едва ли могло кого-либо удивить — в Западной Германии давно уже привыкли ко всякого рода милитаристским «сборишкам», — необычным казалось лишь то, что среди военных мундиров густо мелькали фигуры вполне гражданских людей, величавых друг друга «ггер доктор» и «ггер профессор». Такое странное смешение объяснялось тем, что военное министерство созвало в этот день конференцию руководящего состава бундесвера с представителями министерств культуры западногерманских земель. Именно это событие и заставило высшее офицерство отвлечься от привычных занятий, а профессоров от своих сугубо штатских дел.

В. СТЕЖЕНСКИЙ

Давление на западногерманских «культуртрегеров», чтобы подчинить всю их деятельность целям милитаристской пропаганды. Об этом весьма недвусмысленно заявил в своем докладе на конференции бригадир генерал Вебер, давший понять, что всякое уклонение работников министерств культуры от поставленной перед ними задачи будет рассматриваться как свидетельство политической неблагонадежности. Надо думать, что докладчику не пришлось пояснять столь информированной аудитории, что означает в современных условиях объяснение в политической неблагонадежности. Во всяком случае возразили со стороны лиц, признанных объективно немецкую культуру, не последовало, и директива бравого генерала была принята к неукоснительному исполнению.

Идеологическая обработка молодого поколения в духе неизбежности новой войны ведется в Западной Германии в самых широких масштабах. Со школьной скамьи детям внушается мысль о необходимости пересмотра государственных границ, о расширении Федеративной Республики Германии за счет ГДР, Польши и Чехословакии, проповедуются неслыханный шовинизм и человеконенавистничество. В распространении милитаристских идей немаловажная роль отводится западногерманским литераторам, поставившим свое перо на службу войне и смерти. «Витрины киосков и книжных магазинов сверкают пестрыми разноцветными обложками дешевой серии

книгов о так называемых военных приключениях... В них рассказывается о боевых действиях гренадеров-танкистов на Восточном фронте, о воздушных боях и сражениях. Война изображается в лживом свете, сентиментально и безвкусно восхваляется фронтовое товарищество, в умаленных тонах живописуются ужасные жестокости», — писала о засиленной милитаристской литературы в ФРГ прогрессивная западногерманская газета «Дейче фольксцейтунг». Нужно подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о произведении, претендующих хотя бы на элементарную художественность, написанных профессиональными литераторами типа Э. Дингера или Э. Коальбенхейера. Нет, разумеется, оснований преуменьшать вред, причиняемый их книгами, однако из-за незначительности своих тиражей они не представляют такой серьезной опасности для широких кругов немецких читателей, особенно молодежи, как то милитаристское чтиво, которое мутным потоком заливает ныне Западною Германию. Достаточно сказать, что в ФРГ существует более 35 издательств, специализирующихся на выпуске милитаристской и профашистской литературы. Такие издательства, как Паубель Мейнинг и другие, выстроили на западногерманский книжный рынок около 80 миллионов экземпляров произведений, в той или иной форме оправдывающих и прославляющих грабительские войны. К тому же необходимо добавить более 340 иллюстрированных газет и журналов, которые издаются милитаристскими объединениями и землячествами. «Стиль, форма, сюжеты и содержание новонемецкой военной бульварной литературы», — пишет западногерманская евангелическая газета «Эвангелише зонитсблатт», — поразительно напоминают стиль, форму, сюжеты и содержание сообщений так называемых рот пропаганды великогерманской империи в годы второй мировой войны; в 50 случаях из 100 не изменились даже имена авторов». Трудно в самом деле поверить, что эти книги издаются не семидесять лет тому назад, а теперь, в наши дни, в государстве, которое именует себя «демократическим и миролюбивым». «Гревога, партизанский», «Королевские тигры идут в атаку», «Солдаты ада», «Штурм линии Мажино», «В огне под Тарковом» — вот несколько вытиски из серии «Солдатские истории» названий книг, рекламируемых в издательском проспекте Мейнга. Об их содержании и тенденциях можно судить, например, по роману Уэриха Каа «Прорыв под Насиском». Автору, видимо, хорошо известны злодейские повадки гитлеровских войск, которые нередко использовали в качестве «прикрытия» свои наступления танков беззащитных людей из гражданского населения или военнопленных. В романе же, как и впрочем, и следовало ожидать, дело обстоит иначе: «кровожадные» русские гонят перед идущими на прорыв танками группу немецких девушек. «Сзади них захлебались выстрелы... две девушки рухнули, как подкошенные, и их скрюченные тела остались лежать на земле». Подобных сцен, где преступления гитлеровцев приписываются советским войскам, в книге У. Каа можно найти немало. Разжигание дикой ненависти к Советскому Союзу является, очевидно, одной из главных задач поставщиков литературной отравы. Как с глубокой тревогой отмечала газета «Дейче фольксцейтунг», вся эта литература призвана «возможность западногерманскую молодежь на военную службу и вместе с тем идеологически подготовить ее к новым военным авантюрам».

ВЕЛИКИЙ ПРИЗЫВ РАЗУМА И НЕОБХОДИМОСТИ

(Юношачье. Начало на 1-й стр.)

Такие опасения подтверждают благоприятное влияние нового советского шага. Н. С. Хрущев сказал на сессии Верховного Совета: «Вот и получается так, что больше армии в странах противостоящих нам военной группировки являются нашим невольным союзником, который будет облегчать решение нашей главной задачи — опередить наиболее развитые капиталистические страны во всех направлениях...»

Но США сами ставят себя в это довольно курьезное положение. Ничто не мешает им последовать советскому примеру. Некоторые американцы прямо предлагают это. Однако, как пишет «Уолл-стрит джорнал», «деятели Пентагона заявляют, что они не в состоянии понять смысла этого довольно простого предложения».

Еще бы! Ведь вместо того, чтобы попытаться понять великий призыв разума и необходимости, противники разоружения настойчиво твердят старые идеи.

Итальянская газета «Джорнале д'Италия», вопреки здравому смыслу, бормочет: «Если существует страна, желающая войны, так это только Россия».

Поборники «холодной войны», выступая сейчас с такими заявлениями, уподобляются филину — тот тоже ничего не видит при солнечном свете.

В годы первой мировой войны французские солдаты в окопах Вердена с безнадёжной грустью пели запрещенную начальством песню. В ней были слова: «Маленький крест и большая могила — это для нас».

Теперь пришло время, когда можно поставить крест на самой возможности войны, а в большой могиле похоронить оружие. Это нужно для нас, для вас, для всего мира.

(Юношачье. Начало на 3-й стр.)

является одной из тем пьесы, связанной с главной темой. Малюгин приводит мои слова: Чехов «испытывает боль при виде безразумного разрушения красоты родной земли». Но эта эстетическая тема оказывается одной из глубоких социальных тем эпохи. По этому поводу оппонент делится своими соображениями о том, что «тем, подавляющее большинство трудящихся людей ничтожеством, захватившим власть в свои руки, отнюдь не эстетическая, ее нельзя сводить к «разрушению красоты родной земли». Так, шаркался от вульгарного социологизма к эстетству, критик видит в частностях главное и неверно истолковывает основную идею пьесы». Так Малюгин бьет мне челом моем же добром, определяя основную идею пьесы в полном и даже почти дословном соответствии с определением, данным в моей книге; но при этом он делает вид, будто я не так определяю главную тему, а подменяю ее одним из тематических мотивов. При оценке этого мотива Малюгин вновь обнаруживает «своеобразие» своих взглядов. Он не понимает того, что любая тема в художественном произведении не может не являться эстетической темой. За то, что я назвал тему разрушения красоты родной земли эстетической темой, Малюгин и выносит мне приговор: эстетизм. Отжидчив эстетическое эстетизм, Малюгин, сам того не замечая, фанатически объявляет глубокому социально-патристическому мотиву Чехова — тему разрушения красоты родной земли — эстетской темой.

Главный редактор журнала «Октябрь» Ф. И. Панферов, с которым многих наших литераторов, в том числе и меня, связывают стародавняя литературная дружба и такое же уважение, не раз декларировал правило: вести товарищеские дискуссии, без издевательств и личных оскорблений и пр. Заем же он сделал в данном случае исключение из своего несомненного правила? Может быть, для подтверждения правила? В таком случае я готов вытерпеть все обвинения всех исследователей и следователей журнала «Октябрь», применяя каламбур Малюгина, — тем более, что затененное или захватывающее следствие по моему «делу» восходит к методологии следователей из чеховской

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

Поступь Маяковского

Вспоминую одну встречу во Франкфурте-на-Майне. Я разговаривал с Гильдой Маурерберг, сотрудницей литературного отдела из газеты «Франкфуртер рундшау». Обстоятельно ответил на ее вопрос, кого из немецких классиков издают на русском языке, я, в свою очередь, заинтересовался русскими книжками в ФРГ. Г-жа Маурерберг тут же назвала Толстого и Достоевского, потом вспомнила рассказы Чехова. Когда же я спросил о Маяковском, моя собеседница задумалась: «Нет, я такого не знаю. Это, наверно, кто-то из молодых».

В этом эпизоде нет ничего удивительного. Едва ли Маяковский — желанный гость в боннской республике. И все же стих Маяковского провалил и эту завесу: в городе Хейльбронне, на далеком Некаре, его уловило чуткое ухо немецкого поэта. Провинциальное издательство «Лангвише-Брандт» выпустило ма-

ХРОНИКА

Новая пьеса Го Мо-жо

«Лирической, волнующей сердце поэмой» назвал китайский критик новую пьесу Го Мо-жо — историческую драму «Цай Вэнь-ци». Далеко прош...

лос Китая, тяжелое и бурное время конца второго века нашей эры изображено в этой драме. Но пьеса по-своему актуальна, созвучна нашим дням, в ней нашли отражение моменты личной биографии автора. Вот почему, как пишет Го Мо-жо, у ее читателей или зрителей возникает ассоциация с современностью.

Драма «Цай Вэнь-ци» поставлена Пекинским народным художественным театром. «Экс-соменна» — это крупное, знаменитое событие в культурной жизни страны», — пишет о спектакле журнал «Синьцзи бао».

На снимке: сцена из спектакля. В роли Цай Вэнь-ци — известная антриса Чжу Линь.

Сколько стоит метр картины?

Как пишут западные газеты, человек, изображенный на этом снимке, итальянец Пино Галицио, счастливо сочетает в одном лице целый ряд дарований. Он является одновременно химиком, археологом, фабрикантом кофе и художником. Трудно сказать, каков Пино Галицио в качестве химика или фабриканта, но как художник он, несомненно, выделяется среди собратьев по кисти. Дело не в том, что он выстраивает приверженцем абстракционистского искусства, — этим в наши дни уже никого не удивишь. А удивить хочется «прославившись» тем, что сломал привычные представления о размерах произведений изобразительного искусства. Он измеряет свое творчество метрами. Работы Галицио — это длинные, многометровые куски ткани с цветными пятнами и линиями. Недавно Пино Галицио организовал в одной из музеев галереи выставку своих произведений, представив изумленным монахам более двухсот метров абстракционистских полотен.

Поскольку творчество Пино Галицио подозрительно смахивает на кустарное производство обоев, художнику пришлось дать определенное название отдельным кускам, хотя этим выделял их в какое-то художественное целое. Один из них, например, называется «Нил не протекает».

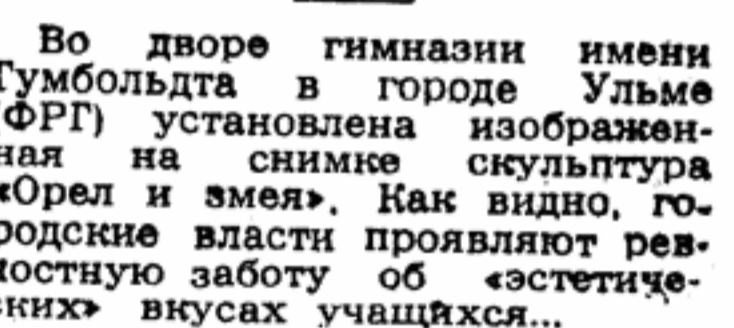
Режиссер Роберто Росселини вскоре приступит к съемкам фильма о борьбе итальянского народа против фашистских оккупантов. На главные роли назначены актеры Джеймс Мэзон (Англия), Дэвид Найден (США) и С. Бондарчук (СССР).

«УЛИЦА ЛУГОВ»

Режиссер Дени де ла Пательер вынул картину «Улица Лугов» по роману Рене Лефера. Это как бы третья часть его кинотрилогии, цель которой — после «Сильных мира сего», «аристократии и промышленников королей», показать «большие семейства» простых людей.

Рабочий Анри Невд (его играет Жан Габен) в 1942 году возвращается домой, когда из застав умиряющую жену и чужого ребенка, которого вынужден усыновить.

Газета «Юманите» пишет об этом фильме: «Габен, который блестяще сыграл роль старого Нила Шудлера в «Сильных мира сего», возвращается к ролям живых, общительных рабочих. И, несомненно, в роли пролетария он чувствует себя лучше, чем в изысканном облике крупного промышленника».

В переделе на бенгальский язык вышел сборник рассказов Н. В. Гоголя под общим названием «Страшная истинность» А. С. Нудкина «Капитанская дочка».

Во дворе гимназии имени Гумбольда в городе Ульме (ФРГ) установлена изобразительная на снимке скульптура «Обет и явилась». Как видно, гордые лица правителей революционной власти об «эстетических» впусах учащихся...

Фото из немецкого журнала «Фрейе вельт».

СОВРЕМЕННЫЙ ОРФЕЙ

ет в провинциальный американский городок. Здесь царят жестокие нравы мещанства. Добрый и человечный Вэл приносит своими песнями, своей щедрой любовью радость и счастье людям, но пренебрегает при этом нормами общественной морали и становится жертвой разъяренной толпы мещан. Пьеса Вильямса проникнута идеей обреченности всего светлого и человеческого в обществе, где вселившиеся там, «дикие» силы жестокости и своекорыстия. Драмой Вильямса открылся сезон в нью-йоркском театре «Гремерс Артс Театр».

На снимке: Джон Рамондэтта и Диана Лэдд в драме Теннесси Уильямса «Орфей Нискользящий» (Снимок из газеты «Нью-Йорк таймс»).

«Орфей Нискользящий» — является драма талантливого американского драматурга Теннесси Уильямса. В основу ее положен мотив древнегреческого мифа о певце Орфее, который сошел в ад, чтобы вернуть из царства теней любимую жену Эвридику, и был разорван обезумевшими вакханками.

Вэл Кавсер, герой пьесы «Орфей Нискользящий», попадает

ДИРИЖИРУЕТ РОБЕРТО БЕНЦИ

Многим советским кинозрителям запомнился обязательный итальянский мальчик Роберто Бенци, успешно сыгравший главные роли в фильмах «Премедиа славы» и «Призы судьбы». Прошло несколько лет. Роберто Бенци стал известным дирижером. Сейчас ему 21 год.

Парижский оперный театр пригласил Роберто Бенци дирижировать оперой «Кармен», недавно возобновленной на его сцене.

На снимке: Роберто Бенци за дирижерским пультом. (Снимок из французского журнала «Пари-мат»)».

добрых слов для таких людей, как Чебутыкин! Однако и в самом деле для Чебутыкина у меня неизмеримо меньше добрых слов, чем для Иванова. Иванов жил, боролся, надарывался. А Чебутыкин — это человек, который в самом деле никогда ничего не делал. Как вышел из университетов, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал только один газетный... В третьем акте Чебутыкин проливает пьющую слезу: «Черт бы всех поборал... подрал... Думают, что я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все по забыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего... В прошлую среду лечил на Засынну женщину — умерла, и я виноват, что она умерла. Да... Кое-что знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню».

Эпоха эпох, жертва жертвой, но надо же и честь знать. Что, в самом деле, могло помешать Чебутыкину читать книги и учиться лечить людей, а не шарлатанить? И как могла повернуться рука у Малюгина урвать Чебутыкина и Астрова? «В пьесе Чебутыкин терзается, как Астров, гибельно пал от этого он и заглох. Но Ермиловина, а Чебутыкину смерть стрелочника, а Чебутыкину, по его мнению, не заслуживает никакого снисхождения». Есть, однако, «немножко» различия между Астровым и Чебутыкиным. Астров не виноват в смерти стрелочника, привезенного с железной дороги и умершего на операционном столе под хлороформом. — Астров не успел начать операцию. Чебутыкин же виноват в смерти своей пациентки, потому что он неведает. Астров всю свою жизнь работает, как никто в уезде, а Чебутыкин за всю свою жизнь палец о палец не ударил. Те земские врачи, которые в тяжелой судьбе Астрова узнали свою судьбу и рыдали на спектакле Художественного театра, не могли рыдать над судьбой Чебутыкина. Чехов писал в перепечатанной редакции рассказа «Хорошие люди»: «Не честно бороться в чуждой дом, или читать чужие письма: не честно лечить, не закая медицина».

Малюгин стремится уверить в том, что между героями Чехова из интеллигентов нет глубоких различий, что Чехов всем все прощает, всем улыбается, над всеми плачет.

Но Чехов не был примирителем. Его творчество является живым опровержением этой бездарной легенды, давно отцветшей, давно похороненной. И место ей только в гробу, как «человеку в футляре». А Чехов — живой. И мы празднуем день рождения вечно живого Чехова.

Альберто Моравиа о себе

Парижский еженедельник «Экспресс» опубликовал обширное интервью своего корреспондента с известным итальянским писателем Альберто Моравиа.

Писатель рассказывает, что работает сейчас над романом, посвященным жизни художника, где ставится вопрос о месте искусства в современном мире.

— Когда вы впервые начали писать? — спросил корреспондент.

— Десят лет. Но понастоящему серьезно я пишу с шестидесяти лет. Моя первая книга «Безразличия» была опубликована в 1929 году, мне было тогда немногим более двадцати... Я родился в 1907 году в очень буржуазной семье. Сразу же после того как я написал «Безразличия», я получил новую, что все более отдаляло от буржуазии и ощущаю все растущую симпатию, тягу к народным классам. Только там находились подлинное ощущение величия мира, мораль, которая уже не существует среди буржуазии. Во всяком случае, истинная драма связана не с буржуазией и деньгами, а с интеллигентней. Только интеллигенция сознает свое положение перед лицом трудящихся классов и старается найти для себя решение. Обычно я показываю героев двух типов: с одной стороны, интеллигенты, с другой стороны, персонажи, для которых единственной заботой служит их брюхо. У них нет других стремлений. Им не обидно есть как поганку. Любят их не заглавывают.

— Как вы пишете?

— Работая утром каждый день, с девяти часов до двенадцати, и на этом кончаю. Так каждый день, даже в воскресенье, начиная с шестнадцати лет... Остаю и прямо принимаю за работу. Печатаю на машинке; для меня важен жест, движение. В начале моей писательской карьеры я писал по три-четыре строчки в день и чувствовал себя под конец заносчивым. Теперь все пишу: пишу несколько часов механизически: утром чувствую, что должен сесть в свой рабочий стол. Так уж устроена моя голова. Я знаю, что некоторые французские писатели работают весь день. Мне это кажется вредным. На добрую половину дня следует забывать о том, что ты писатель. В искусстве время — вообще очень относительная мера... Вдохновение не дело до времени. Это прямо-таки физический конституируется в моменты вдохновения: разум продолжает тогда работу с исключительной быстротой. Не приходится удивляться тому, что Стендаль написал «Парижский монастырь» за сорок дней.

— Занятия ли вы целиком только литературой?

— В месяце тридцать дней. Четыре дня в месяц я посвящаю кинообзору.

какое веду каждую неделю вот уже десять лет в газете «Экспресс». Пишу примерно по два рассказа в месяц, и мне нужно около четырех дней на каждый. Затем приходится считаться с болезнями, с последками. В общем, мне остается пятнадцать дней в месяце для работы над очередным романом.

— Приходилось ли вам как писателю сталкиваться на своем пути с неприятными?

— Мне пришлось преодолеть два препятствия. Одним была моя болезнь: кожные туберкулез. Лить лет — в постели. Затем был фашизм. Однако я не придал большого значения внешним препятствиям. Вгляд современного человека достаточно твердо, чтобы преодолеть все, даже болезнь. Есть только внутренние препятствия.

— Для всех?

— Я такой же человек, как и все. Не отрицая того, что художник имеет перед обыкновенным человеком безграничное преимущество: выразить себя, освободить себя творчеством. Но думаю, что каждый обладает творческой способностью, которой никогда не следует пренебрегать. Если бы удалось проникнуть в духовный, внутренний мир всякого человека, то в любой момент можно было бы ощутить работу его творческих сил, как бы малы они ни были. И это — прекрасно.

Главный редактор С. С. МИРНОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИН, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.